

БОРИС ЗАХОДЕР

ЖИЛ-БЫЛ

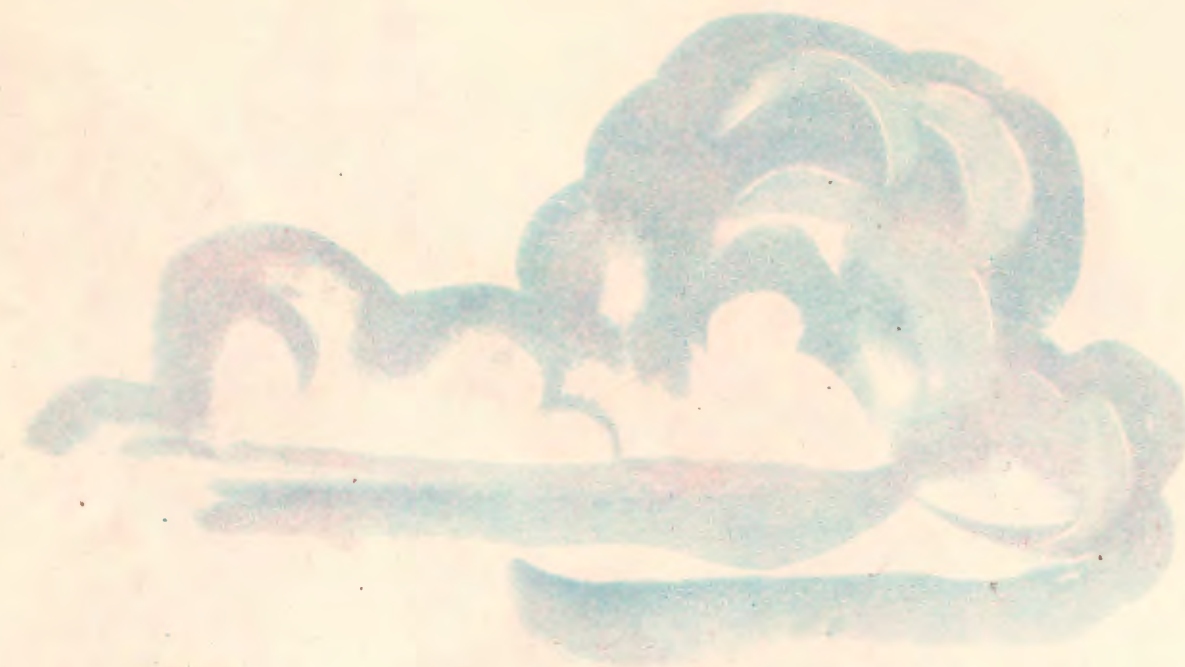
ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ • 1977

Борис Заходер

**ЖИЛ-
БЫЛ
ФИП**

рисовал Я. Манукин

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ МОСКВА • 1977

I

ил-был Фип.

Правду сказать, **жил** он ещё так недолго, что даже сам и не знал, кем он **был**.

А был он инкубаторным цыплёнком трёх дней от роду — маленьким, жёлтым, пушистым комочком, на тоненьких ножках и с тоненьким голоском: Фип! Фип!

Вместе с тысячами — если тебя интересуют цифры, могу сказать точно: вместе с 39312 (знаешь, как это произносится? С тридцатью девятью тысячами тремястами двенадцатью) братьями и сёстрами — он появился на свет в огромном здании, на котором красовалась вывеска: „Птицефабрика № 2“.

Появился на свет — так, пожалуй, можно сказать, хотя было там не так-то уж и светло. Правда, там было тепло; но не было ни солнца, ни неба, ни земли, ни травы, ни ветра — словом, ни природы, ни погоды!

Но Фип ни капельки из-за этого не огорчился! Ведь он и не подозревал, что на свете бывают такие вещи, как природа, погода, небо, солнце, земля и так далее. Что греха таить, знал он маловато, а умел ещё меньше.

И всё-таки он весело поклёвывал вкусную кашку из молотых зёрен, косточек, червячков и тому подобного (называется это кормовой смесью) и весело попискивал своим тоненьким голоском: — Фип!

Уж это-то он умел.

И так продолжалось — ты не забыл — ровно три дня.

А на четвёртый день поутру его посадили в картонную коробочку, где уже сидело 35 (тридцать пять) его братьев и сестёр — таких же, как Фип, жёлтеньких и пушистых, и так же перепуганных. Все они, включая Фипа, пищали изо всех сил.

Как известно, писк обычно помогает мало.

Не помог он и нашим цыплятам. Их коробку погрузили в кузов маленького автомобиля-пикапа, где было совсем темно и не очень-то приятно пахло и где уже стояло множество таких же картонных коробок — все они тоже отчаянно пищали. Тут что-то громко зафыркало, затарахтело, зарычало: цыплята почувствовали, что всё куда-то едет, едет, едет... и запищали ещё громче; но так как они сами не слышали собственного писка, им пришлось перестать.

Грузовичок вскоре остановился, и шофёр начал передавать притихшие коробочки в руки какой-то тёте.

Тётя, кстати сказать, была очень миловидная (то есть, на неё было приятно смотреть).

И шофёр на неё так засмотрелся, что даже не заметил, как из одной коробочки полетел на траву жёлтый, пушистый комочек.

Это был Фип.

II

Не от страха (испугаться он не успел), а наверное, просто от неожиданности (ведь он ещё никогда не летал) Фип потерял сознание: он закрыл глаза и как будто заснул.

А когда он пришёл в себя и открыл глаза, он испугался по-настоящему: прямо над ним нависла чья-то огромная, страшная морда с большими зубами. Бедный Фип не знал, что делать. Он было вскочил на ноги, но они у него тут же подкосились; он снова зажмурился, но так было ещё страшней...

Всё это случилось с ним только потому, что он так мало знал; знай он чуть побольше, он бы понял, что эта страшная, как ему показалось, морда принадлежит весёлому, добродушному и любопытному жеребёнку.

— И-го-го! Тебя как звать? — спросил Жеребёнок, и спросил так приветливо, что даже Фип как-то сразу начал понимать, что бояться вроде бы нечего.

— Фип, — ответил Фип.

— Ага! Фип, понял! — сказал Жеребёнок. — А откуда ты взялся, Фип?

— Не знаю! — честно ответил Фип.

— Ага, потерялся! — сообщил сообразительный Жеребёнок. — А что делать будешь?

— Не знаю... — опять признался Фип.

— Ага, ага! А я знаю! Будешь своих искать!

— Каких своих? — слабо спросил ничего не понимающий Фип.

Жеребёнок тоненько заржал.

— Вот чудак! Своих не знает! Ты ведь кто? Птица! Значит, и твои — птицы! Мои свои — лошади, а твои свои — птицы!

— А кто это — птицы? — заинтересовался Фип. Почему-то это слово ему понравилось.

— Иго-го! Птицы, это, брат... Ну, птички, понял?

— Не понял, — признался Фип.

— Ну, такие, с этими... с крыльями... ну, которые по воздуху бегают быстро, быстро! Ещё говорит... Ага, вспомнил! Которые летают! — с удовольствием повторил Жеребёнок. Ему было приятно, что он вспомнил такое трудное слово.

Интересная и содержательная беседа продолжалась бы, возможно, ещё долго, но в это время кто-то из **своих** Жеребёнка призывно заржал (неподалёку паслось несколько лошадей), и Жеребёнок, крикнув: — Бегу, мама! — понёсся прочь, успев на прощанье только предупредить Фипа:

— Ищи своих, а то совсем пропадёшь!

III

Фип встал на ноги и осмотрелся. Какой огромный, яркий, шумный мир окружал его! Зелёный-зелёный луг, синее-синее небо, а там, в небе, что-то ослепительно золотое — Фип было глянул и поскорей снова зажмурился... А как тепло, какие чудесные запахи, какой ласковый ветерок! От ветерка чуть колышется зелёная трава — такая высокая, что не только Фипу можно спрятаться в ней с головой, — и важно покачивают хорошенькими головками цветы. Их так много, они такие разные! Жёлтые, красные, белые, лиловые... — и повсюду, куда ни глянь. — **птицы**. Они то перелетают с цветка на цветок, с травинки на травинку, то подолгу выют в воздухе на одном месте, то стремительно, с жужжанием, проносятся у Фипа над самой головой.

„Ну, тут я не пропаду, — радостно подумал Фип. — Сколько своих!“

Но странное дело, к кому бы из этих своих Фип ни кидался — все шарахались от него в сторону и поскорей уносили ноги и крылья. Никто из крылатых не только не желал вступить с Фипом в разговор — никто не отвечал ему даже на самые вежливые вопросы.

На Фипово счастье неподалёку от него, на синий с жёлтым цветок, плавно опустилась очень-очень большая птица, пожалуй, больше самого Фипа. У неё были пушистые усики, шесть тоненьких ножек, широкие крылья, и при каждом её движении крылья эти отливали всеми цветами радуги. Наученный горьким опытом, Фип подошёл к ней, медленно, осторожно, и первым делом вежливо поздоровался.

— Здравствуйте, тётя! — пискнул Фип. — Можно мне спросить у вас одну вещь?

Бабочка (ты, конечно догадался, что это была она) была такая большая, что не испугалась Фипа.

— Спрашивай, вежливый малыш, — сказала она.

— Тётя, вы — птица? — спросил Фип и тут же

понял, что сказал что-то неподходящее. Бабочка взмахнула крылышками, словно собиралась улететь.

— Не улетайте, тётя! Пожалуйста! Пожалуйста! — отчаянно пискнул Фип.

Бабочка осталась на месте и принялась только усиленно обмахиваться крылышками.

— Как ты мог... как ты мог даже подумать обо мне такую ужасную вещь! — сказала она, наконец. — Я — птица? Б-р-р!

— Но ведь вы же летаете! — пискнул совершенно сбитый с толку Фип. — А кто летает — тот птица...

Тут Бабочка тоненько рассмеялась.

— Я вижу, ты просто — глупыш и не хотел меня обидеть, — сказала она и улетела.

IV

День шёл к концу, а Фипу так и не удалось найти ни одной настоящей птицы. Бедняга совсем расстроился, а особенно огорчало его, что все, к кому он обращался, — все крылатые, все летающие — обижаются, когда он принимает их за птиц. А один большущий, жёсткий-жёсткий Жук даже обещал его отколотить.

— Что же это получается? — рассуждал Фип вслух, устраиваясь на ночлег под кустиком (ему-то этот кустик казался деревом). — Получается чепуха: летают, а не птицы. Летают, а птиц не любят. Ну просто чепуха!

— Чепуха, мой друг, твои рассуждения! — вдруг послышалось откуда-то сверху. — Впрочем, меня это не удивляет. У вас там, внизу, всё вверх тормашками.

Фип поднял голову. Высоко над ним, на ветке, кто-то висел вниз головой.

От изумления Фип не мог произнести ни звука.

— Да-с, — продолжала неизвестная собеседница Фипа, — попробуй рассуждать по-настоящему, как я.

Видя, что Фип ничего не понимает, она пояснила:

— Насекомые летают, но они не птицы. Я летаю, но я не птица. Вывод: не все, кто летает, — птицы.

Фип разинул клювик от удивления и огорчения.

— Да-с, — с торжеством сказала незнакомка. — И больше того: **не все птицы летают**. Страус — не летает. Киви — не летает. Пингвин — не летает. А вот я — летаю, — ответила она.

И с этими словами Летучая Мышь (кто же это мог быть, кроме неё!) расправила огромные кожистые крылья и бесшумно исчезла в вечерних сумерках. Вскоре она вернулась, и что-то упало на голову Фипу. Ему показалось, что это были жёсткие надкрылья того самого Жука, который недавно грозился его поколотить...

— Птицы — а не летают, летают — а не птицы, — рассуждал сам с собой Фип. — Ну, как же тогда мне птиц узнать? — захныкал он так жалобно, что и Летучая Мышь смягчилась.

— Птиц узнать очень просто, — сказала она. — Они поют! Да-с!

— Птицы поют, птицы поют, — повторял Фип, чтобы не забыть. С этими словами он и заснул.

V

Утро было чудесное. Только Фипу сразу захотелось пить и есть. Он склюнул несколько росинок с листьев и травы и начал поклёвывать зёрнышки — хотя они были зелёные и не такие вкусные, как те, которые давали Фипу раньше, но он был и тому рад и клевал их с большим увлечением.

Но вдруг он бросил своё увлекательное занятие и насторожился. Да, сомнений не было — кто-то громко громко пел:

— В реке-кекс! В реке-реке-кекс!

Хотя Фип и не знал, что такое кекс, ни даже, что такое река, он так и кинулся на звук этой песни. Вполне естественно: во-первых, ему очень понравилась песня, а во-вторых, и это главное, это была **песня**, и значит, где-то рядом была и птица.

И действительно, на берегу большой лужи (или маленького прудика) сидел кто-то необыкновенно красивый: зелёный, блестящий, с большими блестящими глазами, и пел. Чудесно пел:

— В реке-кекс!

Фип так заслушался, что забыл обо всём на свете.

— Вы, конечно, птичка? — спросил он, когда певича, наконец, замолчала.

— Квак? — спросила певича. — Почему ты так решился?

— Мне сказали, что птички поют, а вы так замечательно поёте!

— Квак, квак я пою? — переспросила певича.

— Замечательно, чудесно! — восхищался Фип. — В жизни не слышал такого дивного пения!

Я думаю, не надо объяснять, что Фип говорил чистую правду: он ведь, действительно, в жизни не слышал пения.

— Ты, видать, умный головастик, — сказала зелёная певича. — Пою я, действительно, чудесно, замечательно! Это ты всё правильно говоришь. Но только я не птица. Вот ещё! Я — Лягушка!

Бедный Фип не мог скрыть своего разочарования.

— А я думал... а мне говорили „только птицы поют“... — жалобным голосом протянул он.

— Хе-хе-хе! Кто это тебе говорил?

— Летучая Мышь, — сказал Фип.

— Летучая Мышь? Хе-хе-хе! — засмеялась Лягушка. — Ну, у неё, известно, всё вверх тормашками, она ведь вниз головой спит! Придумала тоже! Только птицы поют! Мы — лягушки — лучше всяких птиц поём, сам слышал! А почему?

Тут Лягушка сделала такую большую паузу, что Фипу волей-неволей пришлось спросить:

— Да почему?

— Да потому, что мы первые на свете запели.

Она снова сделала паузу, и Фипу опять пришлось спросить:

— Ну да?

— Да! Ведь было время, никто петь не умел, потому что все в воде жили, а там не очень-то распоёшься. А вот мы, лягушки, сумели! И запели!

Лягушка снова замолчала, очевидно, ожидая, чтобы Фип опять выразил свой восторг. Но Фип неправильно её понял.

— А как же мне тогда... — начал было он, но она его перебила.

— Да, мы первые запели, а там уж и другие... и птицы эти хвалёные, а уж теперь, все, кому не лень — поют...

Фип снова попытался о чём-то спросить Лягушку, но она не обращала на него внимания.

— Все поют, — продолжала она с жаром, — кто может и кто не может. У птиц хоть голос есть, какой-никакой, а многие — хе-хе-хе — совсем без голоса поют! До того техника дошла — не поверишь: ногами поют, ногами слушают. Можешь себе представить?

— Не могу, — честно признался Фип.

— Да вон, гляди, вон он, видишь там, зелёный, коленками назад. — Фип посмотрел туда, куда показывала Лягушка, и увидел большого зелёного кузнечика. Кузнечик сильно чиркнул ножкой по крылу, ещё, ещё — и полилась всем знакомая песенка.

— Видишь, вот он самый и есть, — с удовлетворением сказала Лягушка, — жаль, далековато сидит, а то мы бы его получше рассмотрели.

И тут Фип вдруг заплакал.

— Ой-ой-ой, что же мне делать? Все летают, все поют, — всхлипывал он, — как же мне птиц узнать?

Лягушка заметила, что бедный цыплёнок совсем расстроился.

— Как птиц узнать? Это я тебя, головастик, научу, — сказала она добродушно. — Кто поёт — хорошо, кто летает — тоже хорошо, но это ещё полдела. А главное дело — кто гнездо строит, тот и птица. Понял?

— Ничего я не понял, — ответил Фип. — Какие ещё гнёзда? Где они бывают?

— Опять я тебя, головастик, научу, — продолжала Лягушка. — Гнёзда всякие бывают. И всюду они бывают: на земле, на кустах, на деревьях... Ищи только лучше. Да вон оно! Вон оно, гнездо! Во-о-о-н там, в тростнике, видишь?

— Большое спасибо, тётя! — крикнул Фип и бегом устремился к тростникам — туда, где на высокой, стройной тростинке покачивалось гнёздышко, очень хорошенькое гнёздышко, сплетённое из сухих травинок.

VI

— Птица, птица, выходи! — крикнул Фип ещё на бегу. На этот раз он был уже совершенно уверен, что нашёл **своих**.

И на его призыв из гнёздышка действительно выглянула чья-то очаровательная мордочка, за ней — вторая, третья. Просто удивительно было, как они все там помещались.

— Вы — птицы? — спросил Фип упавшим голосом. Почему-то его уверенность начала пропадать.

— Хи-хи! — ответили из гнезда. — Он думает, мы птицы. Хи-хи! Хи-хи! Какие ж мы птицы? Ты разве не видишь, мышата мы!

— Мышата... — растерянно протянул Фип. — А зачем же вы в гнезде сидите?

— Как зачем? Это наше гнёздышко!

— А мне говорили: птички гнезда вьют.

— Птички несут яички, — сообщили ему наперебой все три мышонка.

— Несут яички? А куда? — грустно спросил Фип.

И тут раздался такой взрыв хохота, что он, повесив голову, зашагал прочь.

— Эй, малыш, погоди! — крикнул кто-то ему вслед.

Фип обернулся. Из гнезда выглядывала мордочка побольше. Это была мама мышат, Мышь-малютка.

— Ты ищешь птичек? — спросила она. — Так вот: птички, правда, живут в гнёздышке и, правда, несут яички, такие белые, кругловатые, а бывают и раскрашенные!

— Спасибо, — сказал Фип. — Белые, кругловатые, — повторил он. И вдруг перед его глазами всплыла знакомая картина: много-много белых, кругловатых... Время от времени они лопались, и на волю выходил брат или сестрёнка Фипа.

— Вспомнил! — запищал Фип, очень взволнованный. — Так и есть! И я был в яичке, значит, я — птица!

От радости он начал клевать всё, что попало, и сам не заметил, как забрался на какую-то, покрытую сухими иголками и колючими ветками кочку. На её верхушке лежали белые, кругловатые предметы, очень похожие на те, о которых Фип только что вспоминал, только маленькие, и он стал клевать их тоже.

— Эй ты! Ты что делаешь? — слышался такой тонюсенький голосок, что Фипов писк мог по сравнению с ним показаться басом. — Это наши яички! Мы их несём сушить, а ты клюёшь!

— Вы несёте яички? — спросил ошеломлённый Фип, разыскивая глазами того, кто это говорил. — Да где же вы? Значит, вы птички? Где же вы?

— Вот мы где, — отвечал тоненький голосок, и тут Фип, наконец, увидел своего собеседника. Это был рыжий Муравей.

— Так это вы птички? — с сомнением сказал Фип. — Птички несут яички, — машинально повторил он заученную фразу.

— Да что ты, дяденька, — с искренним недоумением ответил Муравей. — При чём тут птички? Что у них там за яички? Ну одно-два яичка снесёт или там пяток, и всё. А у нас, у муравьёв — ого-го! У нас, брат, царица за день столько яичек отложит — и счёту нет! Милльон! А то даже тыщу!

Так как Фип совершенно не умел считать, на него это муравьиное хвостовство не произвело впечатления. Он понял только одно: он опять не нашёл птичек. Окончательно разочарованный, он поплёлся прочь.

VII

— Что же это получается? — убивался Фип, присев отдохнуть под высоким-высоким, до самого неба, деревом. — Летают — и не птички... Поют — и не птички... Гнёзда вьют — и не птички... Яички несут — и то не птички! — разрыдался бедный цыплёнок. — Всё — не птички! А кто же тогда птички? — сказал он, ни к кому не обращаясь.

И в ответ он неожиданно услышал чей-то глубокий, добрый-предобрый голос:

— Птицу узнаешь по перу. — И с вершины дерева, под которым сидел Фип, плавно, медленно слетело вниз птичье пёрышко — красивое, лёгкое, блестящее. Плавными, широкими кругами опускалось оно всё ниже и ниже, и так же плавно, неспешно звучал добрый, глубокий голос: это говорило Дерево.

— Есть птицы, которые не поют... Есть птицы, которые не летают... И гнёзд не вьют... Есть птицы и совсем без крыльев... Но нет птицы без перьев!

Дерево умолкло, и, словно поставив точку, пёрышко опустилось Фипу прямёхонько на нос.

— А у меня ведь и перьев нет... Значит, я сам не птица! — ахнул Фип.

Но он не успел даже расстроиться, потому что рядом с ним на землю опустился кто-то, ростом даже чуть поменьше Фипа, но ужасно бойкий, весёлый и нахальный, и весь в перьях.

— Известно, не птица! Курица — не птица! — весело сообщил Воробей (это был именно он и никто другой).

— А я разве курица? — спросил бедный Фип.

— Ты-то? Ты даже ещё не курица, — продолжал насмешник. — Ты — цыплёнок, хорошо ещё хоть не жареный!

— Ой-ой-ой! — захныкал Фип. — Ну где же мне найти своих?

И он повесил голову с таким убитым видом, что его пожалел бы даже разбойник Коршун, не только честный Воробей.

— Да не хнычь ты! — весело чирикнул он. — Вон они, твои!

— Где? — недоверчиво поднял голову страдалец Фип.

— Квох-квох! — донеслось до его слуха. — Квох-квох!

Лучше этого Фип ещё ничего не слышал в своей богатой приключениями жизни. И лучше этой картины он не видел: совсем неподалёку на лужок вышла птица — большая, красивая, пёстрая, а за ней, весело попискивая, попевала целая дюжина таких же жёлтых, пушистых комочков, как сам Фип.

Фип рванулся было к ним, но вдруг остановился.

— А перья? — спросил он робко.

— А перья вырастут! — засмеялся Воробей. — Лети, лети к своим, не сомневайся, Пётр Петрович Курицын!

И Фип полетел. Со всех ног.

31 к.

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Борис Владимирович Заходер

ЖИЛ-БЫЛ ФИП

Художник Я. Манухин

Редактор Б. Цыбина. Художественный редактор
Ю. Поливанов. Технический редактор
М. Матюшина. Корректор С. Бланкштейн.
Сдано в производство 12/VII-76 г. Подписано в печать
20/V-77 г. 60х84 1/8. Офс. № 1. Усл. печ. л. 4,18. Уч.-изд.
л. 4,04. Тираж 300 000. Изд. № 3678. Заказ № 713.
Цена 31 коп. По оригиналам издательства «Малыш».

Москва, К-55, Бутырский вал, 68.
Московский комбинат бумажных изделий Российского
промышленного объединения по производству игрушек
«Роспромгрушка» Министерства легкой промышленности
РСФСР. Москва, Люсиновская, 30.

70801—343
3 М102(03)-77 без объявл.

